

УДК 821.161.1:82-14

UDC 821.161.1:82-14

**ГРАЖДАНСКИЕ МОТИВЫ
В ДУХОВНОЙ ЛИРИКЕ
ИЕРОМОНАХА РОМАНА
(АЛЕКСАНДРА МАТЮШИНА-
ПРАВДИНА)**

**CIVIL MOTIVES IN SPIRITUAL
LYRICS BY HIEROMONK
ROMAN (ALEXANDER
MATYUSHIN-PRAVDIN)**

Н. А. Развадовская,
*кандидат филологических наук,
доцент кафедры белорусской
и зарубежной литературы БГПУ*

N. Razvadouskaya,
*PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Belarusian
and Foreign Literature, BSPU*

Поступила в редакцию 04.12.18.

Received on 04.12.18.

В статье анализируются духовные стихи иеромонаха Романа (Александра Матюшина-Правдина). Проблематика его лирики позволяет сделать вывод, что духовные стихи иеромонаха Романа вышли за пределы религиозной тематики, поскольку, продолжая традицию духовного стихосложения, он ввел в духовные стихи гражданские мотивы, тем самым наполнив их остроактуальным содержанием, и способствовал демократизации поэтического языка духовных стихов, за счет введения в них разговорных слов, просторечий и окказионализмов.

Ключевые слова: духовные стихи, псалмы, канты, жанр, формирование жанра, мотив покаяния, архаичская лексика, гражданские мотивы, родина, религиозно-нравственный характер, просторечья, окказионализмы.

This article examines the spiritual poems by hieromonk Roman (Alexander Matyushin-Pravdin). The problematic of his lyrics allows to conclude that the spiritual verses of the novel have gone beyond the religious themes, as continuing the tradition of spiritual versification. The author brought civil motives into the spiritual verses, thereby filling them with acutely topical content, and contributed to the democratization of the poetic language of spiritual poems, by using colloquialisms, vernaculars and occasionalisms.

Keywords: spiritual verses, psalms, canticles, genre, formation of the genre, motive of repentance, archaic vocabulary, civil motives, homeland, moral and religious character, vernacular, occasionalisms.

Наступившее второе тысячелетие провозгласило новые ценности, в частности, глобализацию и мультикультурализм, которые постепенно размывают территориальные границы государств. В этих условиях многие народы столкнулись с реальной угрозой потери национальной самоидентичности. Именно желанием сохранить свою веками складывавшуюся культуру мы можем объяснить повышенный интерес к национальным мифологии и фольклору, а также к религии в современной литературе. Так, в настоящее время в России переживает своеобразный ренессанс жанр духовных стихов, который, казалось, почти полностью исчез за время существования СССР.

Что же такое духовные стихи? Духовные стихи – это один из старейших жанров русского фольклора, стихотворения-песни на религиозные темы и сюжеты [1]. Точное время появления духовных стихов неизвестно,

но, вероятнее всего, они стали появляться с момента проникновения на Русь христианства. Длительное время духовные стихи существовали исключительно в устной традиции, на что указывает и тонический стих, и присущие фольклору приемы: синтаксический параллелизм, употребление постоянных эпитетов и устойчивых словосочетаний, инверсии (например, душа окаянная, воды бурные, крест дубовый), повторы (Раю, мой Раю).

До XI в. исполнение духовных стихов носило, скорее, любительский характер: они пелись и крестьянами, и горожанами, и князьями, и священнослужителями. С XI столетия исполнять духовные стихи стали «калики переходные», то есть паломники.

С течением времени жанр эволюционировал: известны духовные песнопения, написанные силлабическим стихом, который доминировал в русской книжной поэзии второй половины XVII и начала XVIII века; есть

примеры силлабо-тонических духовных стихов. С этого момента для разграничения устные народные духовные стихи именуются «псалмами», а книжные, то есть авторские, – «кантами».

Тематика духовных стихов весьма разнообразна: песнопения на ветхозаветные и новозаветные сюжеты, стихи о деве Марии, святых, событиях христианской истории, духовно-учительные, эсхатологические, погребальные, покаянные и др. Структурно духовные стихи разделяют на сюжетные, носящие эпический характер, и несюжетные – лирико-исповедальные, дидактические и моленные.

По общему мнению, формирование жанра относится к XV–XVII векам. Причем в XVII столетии духовные стихи особенно активно формируются в старообрядческой среде, а в XVIII веке – у представителей различных религиозных сект. Ключевая функция духовных стихов – воззвать к христианским чувствам верующих, заставить осознать свою греховность, напомнить о конечности человеческого существования и необходимости покаяния и, конечно же, вызвать умиленное восхищение Божьей любовью, искупительной жертвой Христа и кротким страданием Богоматери. Однако это отнюдь не означает, что духовные стихи – исключительно религиозный жанр. Образы и мотивы духовных стихов нашли отражение в творчестве Н. А. Некрасова («Кому на Руси жить хорошо»), Н. С. Лескова («Запечатленный ангел»), П. И. Мельникова («В лесах»), в ряде произведений Н. А. Клюева, С. А. Есенина, М. И. Кузмина.

После Октябрьской революции 1917 г. развитие жанра духовных стихов практически остановилось, впрочем, как и их собирание и исследование, хотя до начала XX века в этой области была проделана колоссальная работа (например, собрание русских духовных стихов «Калики переходные» П. А. Бессонова (1861–1863)). Причина – сугубо идеологическая. Вторую жизнь духовные стихи в России обрели в конце 90-х гг. XX века, когда их стали исполнять Ж. Бичевская, С. Старостин, Л. Федоров и др.

В настоящее время духовное стихотворчество переживает новый расцвет, например, в 2009 г. был издан сборник современных духовных стихов «Отзвуки небес». Одним из наиболее известных современных

авторов духовных стихов является А. И. Матюшин-Правдин (род. в 1954 г.), более известный под именем иеромонах Роман, – личность значимая как для русской православной церкви, так и для русской поэзии, о чем свидетельствует членство в Союзе писателей России.

До принятия монашества (в 1983 г.) иеромонах Роман, тогда еще А. Матюшин, создавал преимущественно пейзажную лирику, в которой ощущалось восхищение природой России: *«Родная сторона! / Здесь теплится особо / Нетленная Полярная звезда. / И этот свежий дух / Обобранного сада, / И запах от костров / Картофельной ботвы. / Исповедальный лад / Ночного листопада / Доверен бытию / Опятовой братвы»* [2, с. 22]. В некоторых его стихотворениях отчетливо ощущается влияние поэзии С. А. Есенина, проявляющееся и в задушевных интонациях (*«Твои губы тронула улыбка, / Дышишь полем, головой склонясь. / ...Если полюбила повилику, / Значит, сможешь полюбить меня»* [2, с. 13]), и в художественных образах (собака, полевой цветок, береза, юродивый и др.), и в словотворчестве (например, авторский неологизм «клененок» [2, с. 21]).

После принятия пострига пейзажная лирика не исчезает полностью из творчества иеромонаха Романа, но отходит на второй план, уступая место духовным стихам.

Многие стихи иеромонаха Романа продолжают традиции старинных духовных песнопений. В них звучат мотивы покаяния (*«Жалею, что пустое собирал, / Что много прожил без любви и страха»* [2, с. 89]); самоуничтожения (*«Боже мой! Во мне – ни капли правды! / Весь я – ложь, от головы до пят!»* [2, с. 84]; *«Друзья мои! Молю в слезах / Составьте надпись частную: / «Здесь похоронен лжемонах, / Увы, ему, несчастному! / Он был второй Искарот, / Обеты не исполнивший. / Ему награда, всяк поймет, / В утробе преисподнейшей...»* [2, с. 44]); восхваление Богородицы (*«Будь благословенна, Милосердная, / Даже если мне гореть в огне. / Радуйся, Заступница Усердная, / За Свои молитвы обо мне!»* [2, с. 91]); благоговение перед Богом (*«Все внимает Богу не дыша, / Господи, дела Твои святы. / Что ж ты плачешь, глупая душа, / Иль и ты коснулась чистоты?»* [2, с. 99]); напоминание о тщетности человеческой жиз-

ни («Я ничего с собою не возьму / И потому мне ничего не нужно» [2, с. 110]).

Для таких стихов иеромонаха Романа характерна высокая архаическая лексика, употребление устаревших грамматических форм, крайняя насыщенность церковнославянскими словами (*срящите, Господеви, аки, паче, окропиши мя, веси, рекший, руке, даждь*) и формы звательного падежа (*Раю мой, Симоне Ионин*); упоминание предметов монастырского быта, одежды (*скуфья, келия, куколь, подрясник, соборное масло, ряса, канонарх, схимник*); использование имен христианских святых и библейских персонажей (*Андрей Первозванный, Адам, Иосиф, Давид*). Также автор часто использует приемы, встречающиеся в псалмах: синтаксический параллелизм, инверсии; постоянные эпитеты и устойчивые словосочетания, повторы («*За слова свои – тьму кромешную, / За дела свои – муку вечную. / Ой, горе ж мне. / Что ты каркаешь, птица черная, / Что пророчишь мне тьму кромешную? / Ой, горе ж мне*» [2, с. 46]).

В начале 90-х гг. XX века в поэзии иеромонаха Романа все чаще появляются гражданские мотивы, связанные с глубокими раздумьями о судьбе русского народа и России. Очевидно, что, приняв постриг, он не остался безучастным к событиям, происходящим в мире. Добровольный уход от мирской суеты не привел к отказу от творчества. Вероятно, именно «лихие 90-е» привели к усилению гражданских мотивов в лирике иеромонаха Романа. Первоначально раздумья о судьбах наций и народов имели отвлеченный характер и естественным образом преломлялись через призму религиозного кредо автора: «*Без Бога нация – толпа, / Объединенная пороком, / Или слепа, или глупа, / Иль, что еще страшней, жестока. / И пусть на трон взойдет любой, / Глаголющий высокоим слогом, / Толпа останется толпой, / Пока не обратится к Богу!*» [2, с. 69]. Но с течением времени поэтические размышления иеромонаха Романа приобретали все более конкретный характер. Когда в 90-е гг. Россия буквально распалась, в стране царил хаос и разгул бандитизма, монах-поэт в своих стихах пытался постичь причины происходящего и обращался к недавнему прошлому: «*Как мы жили? Себя похабили, / Не искали другого метода. / Воровали, блудили, грабили – / Хлебнули мы, больше не-*

куда. / Лагеря не считали карою, / На этапах по-разному тешились: / Кто картишками, кто гитарою, / Шумно дрались и тихо вешались» [2, с. 70]. Иеромонах Роман убежден, что настоящее – это расплата за безбожие, неправедные поступки, за то, что «умилялись серпом и молотом» [2, с. 71].

В стихотворениях 90-х гг. появляется несвойственная ранее автору нарочито опрошенная лексика, увеличивается частотность разговорных слов, просторечий, используются коннотативные суффиксы, придающие словам пренебрежительно-уничижительный смысл (похабить, хлебнуть, картишки, хаять, лизоблюды, уроды и др.).

Однако, несмотря на безрадостное настоящее, иеромонах Роман не теряет надежды и веры в русский народ: «*И пускай лизоблюды безродные / Распинателей Родины славили, / И в неволе мы были свободные, / Потому как мы не лукавили! / Бог лукавых не терпит – слышали? / Кто продался – уже не выстоял. / Ну а мы не случайно выжили, / Веру в Высшую Правду выстрадав!*» [2, с. 71].

Практически все, написанное иеромонахом Романом в 90-е гг., наполнено болью за Россию. И эта боль еще более остра оттого, что автор помнит о великом и славном прошлом родины: «*Страна моя! Такого не знавали / Ни прадеды, ни деды, ни отцы. / Тебя живьем кусали и кромсали / Ядущие с тобою подлецы! / Ты пала без единого сраженья. / Твое «авось» усвоили врази. / Невиданное прежде посрамленье / Покрыло лик моей Святой Руси*» [2, с. 72]. Надрывом Высоцкого и страстным призывом звучат строки: «*О Родина! Вставай без промедленья! / Гони христопродавцев и ворье! / Бог обратит великое паденье / В великое восстание твое!*» [2, с. 73]. Слово «восстание» в контексте стихотворения, конечно же, нельзя воспринимать как призыв к бунту, под восстанием автор подразумевает возрождение, возвращение былых величия и мощи России.

В ряде стихотворений иеромонах Роман обращается к важнейшему событию русской истории – Куликовской битве, ставшей первым шагом на пути свержения монголо-татарского ига и объединению Руси. События 90-х гг. видятся иеромонаху Роману своеобразной проверкой России на прочность: «*Вся Россия стала полем Куликовым. /*

Ополчился враг. Быть нам иль не быть? / Но не слышно клича Дмитрия Донского, / Некому Отчизну нашу защитить. <...> Так подыдем хоругви, помолясь крепко Богу. И за Веру, за Русь станем все как один» [2, с. 118]. Автор не желает видеть свою родину слабой, зависимой от Запада: «Великоросс! Сорви с себя ярмо, / Заморский хлам, личности, бубенцы! / Доколь плутать? Иди стезей прямой, / Которой шли и деды, и отцы. / Святые наши прадеды – отцы! / Велико-росс! Хулу и грязь сотри, / Охальников своих перешагни! / Пусть ад кругом! Россия – Третий Рим! / И соль земли, и свет! Молись! Храни!» [2, с. 119]. Иеромонах Роман верит в исключительную мессианскую роль России и обосновывает свою уверенность аргументами религиозно-нравственного характера. В частности, слова «Россия – третий Рим» не что иное, как апелляция к словам монаха Филофея, который в XVI веке провозгласил, что Москва – последний оплот православия, объединяющий духовное начало: «Церковь старого Рима пала неверием аполинариевой ереси, второго же Рима – Константинопольскую церковь иссекли секирами агаряне. Сия же ныне третьего нового Рима – державного твоего царствия – святая соборная апостольская церковь во всей поднебесной паче солнца светится. И да ведает твоя держава, благочестивый царь, что все царства православной веры сошлись в твое единое царство: один ты во всей поднебесной христиан царь. Блуди же и внемли, благочестивый царь, что все христианские царства сошлись в твое единое, что два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть. Твое христианское царство уже иным не достанется» [3]. Иеромонах Роман не устает напоминать о великом и славном прошлом России, взывает к национальной гордости: «Великоросс! Какая высота / В одном именовании твоём!» [2, с. 119] Он категорически не приемлет западные «ценности», основанные на вещизме, ложной свободе без обязательств и, главное, без веры в Бога, и убежден, что западный путь развития не для России: «Страна моя! Туда ли ты глядишь? / В земное тычут каверзные пальцы. / И ты к земному – на погост спешишь, / В поводыри призвал христопродавцев. / Почто, от неба лик отворотив, / Позарилась на западные блески, / И все свое родное осудив, / Рядишься в лилипутские

обноски? / И потешая скопище раззяв, / Иное избираешь направление... / Стезя чужая – не твоя стезя! / Чужой и не вместить твое стремление» [4].

В конце 90-х-начале 2000-х гг. иеромонах Роман в своих стихах стал часто использовать дореволюционные правила грамматики и шрифт. Мы предполагаем, что автор прибегает к этому приему для того, чтобы еще раз напомнить о тысячелетней истории России и ее традициях, ведь он буквально физически страдает, наблюдая вокруг разгул низменных страстей и потерю нравственных ориентиров. И все же иеромонах продолжает любить Россию, даже потерянную, утратившую былое величие, и верить в ее духовную миссию: «Росія – Свет! Росія – Предстоянье! / И Грех, И Плен, и все же – Божий Дом. / Росія – Православное дыхание. / Препона плоти на пути земном. / И как бы отовсюду не грозили, / Не ужаснешься тучам грозовым. / – Спасение придет из Росіи! – / Сказал великий Старец Серафим» [4].

Любовь к Росси звучит в каждой строчке. Эта любовь безусловна и неотторжима от веры в Бога: «Русь моя! Боль моя!»; «О Родина! Души моей Святыня!», «Любите Родину! Она у нас одна!» и др.

Неотъемлемой составляющей любви к России, по мысли иеромонаха Романа, является уважение к родному языку: «Родная речь – Отечеству основа. / Не замути Божественный родник. / Храни себя: душа рождает слово – / Великий святоруский наш язык!» [4]. Употребленное в данном четверостишии словосочетание «Божественный родник», по нашему мнению, является аллюзией на библейскую цитату «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть» (Иоанн 1:1-3), трактующую слово, логос, как дар Божий. Прозорливо иеромонах Роман указывает на актуальнейшую проблему нашего времени – засорение литературного языка. Действительно, в современный русский язык в большом количестве проникают иностранные слова, вытесняющие исконно русские, в языке молодежи преобладают разного рода сленги, а употребление в литературных произведениях табуированной лексики воспринимается практически как норма. Иеромонах Роман справедливо полагает, что все эти явления представляют серьезную угрозу не

только русскому языку, но и национальной самоидентичности народа.

В лирике иеромонаха Романа двухтысячных годов гражданские мотивы еще более усиливаются. В фокусе его внимания оказываются не только традиционные для русской литературы вопросы о предназначении искусства, об ответственности поэта, но и острейшие социальные проблемы (религиозное ханжество, духовное обнищание, аборты, попытки «перекраивания» истории и другое).

Для иеромонаха Романа понятия «творчество» и «искусство» не являются синонимичными: *«Искусство. Творчество. Два брата-близнеца? / Да не прельстит вас пагубное сходство. / Один во власти падшего уродства, / Другой внимает Красоте Творца»* [2, с. 137]. Творчество воспринимается иеромонахом Романом как созидательный акт, схожий с творением мира Господом и, следовательно, осененный Божественным благословением. Такой акт требует от творца полного самоотречения и должен базироваться на высоких гуманистических принципах. Искусство же, по мнению иеромонаха Романа, лишь тешит самолюбие автора и искушает, отвечая сиюминутным желаниям человека и удовлетворяя запросы толпы, следовательно, лишено Божьей благодати: *«Двум Господам служить никак нельзя. / Искусство тешит ветхое творенье, / А Творчество взывает к обновленью. / Искусство – идол, Творчество – стезя»* [2, с. 137]. Подобная позиция может казаться спорной, но не следует забывать о том, что автор этих строк – монах, чьи эстетические принципы неразрывно связаны с религиозным мировоззрением. Вероятно, именно поэтому в своих рассуждениях о природе творчества и искусства иеромонах исходит из этимологии последнего: слово «искусство» произошло от старославянского «искусь» – испытание [5], а однокоренными ему являются слова «искусственный» (=не настоящий) и «искушение». Итогом этих рассуждений становятся строки: *«Мир перегружен мусором вестей / И потому страдает обмельнем. / Никто не говорит о Красоте, / Питаясь проходящим впечатленьем. / Так мелководье око веселит, / Но око – не душа, духовный знает, / Душе разнообразие вредит: / Ведь то, что развлекает, расхищает»* [6].

Сам будучи поэтом, иеромонах Роман не может не задумываться о предназначении

поэзии. Его собственно творческое кредо ясно отражено в следующих строках: *«Блажен, кто Истину не продал, / Блажен, кто в Правде устоял»* [6]. Для иеромонаха Романа поэзия – это соединение правды и нравственности. И истинный поэт не может и не должен использовать талант ради достижения эгоистических целей или добывания материальных благ, но должен, согласно некрасовской формуле, быть гражданином: *«Что голова – душой бы уцелеть, / Не продаваясь и не покупаясь. / Вбери в себя страны недужной боль, / Не распляй дары по белу свету. / Увы! Поэты возятся с собой / И только носят звание поэтов! / Но мало проку звание носить, / Дышать и жить одною похвальбою. / Поэт – кто верен Богу и Руси / И пишет песню собственной судьбою»* [6].

Ту же позицию иеромонах занимает и в отношении театра и актеров. Он убежден: невозможно сохранить талант, который дан Богом, не сохранив чистоту души и тела: *«Ты в героях ходил: к сожалению, только на сцене. / Остроумьем чужим то и дело срывая хлопки, / Чем прославился сам, чем Отечеству ценен? / Знать, героем быть в жизни – совсем не с руки»* [6]. И также твердо иеромонах Роман убежден, что актер несет колоссальную ответственность не только за то, как сыграл роль, но и за то, что сыграл: *«А тебе чем хвалиться? Кафтан негодя был впору. / И пришлась по душе эта новая гнусная роль. / Процветал в подлецах, был завистником, шулером, вором. / И кого ж обокрал ты? Себя – недостойной игрой»* [6].

Проницательный взгляд монаха-затворника замечает все нюансы современной жизни России: и социальное расслоение, и забвение традиционных ценностей, и отчужденность людей друг от друга. Он готов смириться с бытовой неустроенностью, но не может смириться с нравственным упадком, который, по его мнению, переживает Россия: *«Прискорбна общая разруха, / Но страшно поруганье духа! / Когда глаголющие лживы, / Когда все силы – для наживы, / Когда забыто благородство, / Когда любуются уродством, / Когда в чести самцы и самки, / А целомудрие на свалке, / Когда содомляне вещают / И нормой срам провозглашают, / Когда священное обрыдло – Тогда ты не народ, а быдло!»* [6].

Творчество иеромонаха Романа, а также его популярность в читательской среде, свидетельствуют не только о продолжающемся возрождении духовных стихов, но и новом этапе развития этого жанра. Благодаря иеромонаху Роману, духовные стихи вышли за пределы религиозной тематики. Продолжая в своей лирике традицию

духовного стихосложения, иеромонах Роман ввел в духовные стихи гражданские мотивы, тем самым наполнив их остроактуальным содержанием. Также он способствовал демократизации поэтического языка духовных стихов, за счет введения в них разговорных слов, просторечий и окказионализмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаев, П. А. Литературный энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / П. А. Николаев. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/5836256> – Дата доступа: 14.11.2018.
2. *Иеромонах Роман (Матюшин)*. Избранное / Иеромонах Роман (Матюшин) – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2012, – 160 с., ил.
3. Радугин А. А. История России (Россия в мировой цивилизации): Курс лекций / А. А. Радугин. – М. : Центр, 2001. – 352 с.
4. *Иеромонах Роман (Матюшин)*. Избранные стихотворения [Электронный ресурс] / Иеромонах Роман (Матюшин). – Режим доступа: <https://1001molitva.ru/deyateli-tserkvi/ieromonah-roman-matyushin.html> – Дата доступа: 14.11.2018.
5. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс] / Н. М. Шанский. – Режим доступа: <https://shansky.lexicography.online/i/искусство> – Дата доступа: 14.11.2018.
6. *Иеромонах Роман (Матюшин)*. Стихотворения и песни [Электронный ресурс] / Иеромонах Роман (Матюшин). – Режим доступа: <https://nasledie77.wordpress.com/2015/01/12/иеромонах-роман-матюшин-стихи-и-песни> – Дата доступа: 14.11.2018.

REFERENCES

1. *Nikolayev, P. A. Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar [Elektronnyy resurs]* / P. A. Nikolayev. – Rezhim dostupa: <https://studfiles.net/preview/5836256> – Data dostupa: 14.11.2018.
2. *Iyeromonakh Roman (Matyushin)*. Izbrannoye / Iyeromonakh Roman (Matyushin) – M. : Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2012, – 160 s., il.
3. *Radugin A. A. Istoriya Rossii (Rossiya v mirovoy tsivilizatsii): Kurs lektsiy* / A. A. Radugin. – M. : Tsentr, 2001. – 352 s.
4. *Iyeromonakh Roman (Matyushin)*. Izbrannyye stikhotvoreniya [Elektronnyy resurs] / yeromonakh Roman (Matyushin). – Rezhim dostupa: <https://1001molitva.ru/deyateli-tserkvi/ieromonah-roman-matyushin.html> – Data dostupa: 14.11.2018.
5. *Shanskiy, N. M. Kratkiy etimologicheskiy slovar russkogo yazyka [Elektronnyy resurs]* / N. M. Shanskiy. – Rezhim dostupa: <https://shansky.lexicography.online/i/iskusstvo> – Data dostupa: 14.11.2018.
6. *Iyeromonakh Roman (Matyushin)*. Stikhotvoreniya i pesni [Elektronnyy resurs] / yeromonakh Roman (Matyushin). – Rezhim dostupa: <https://nasledie77.wordpress.com/2015/01/12/iyeromonakh-roman-matyushin-stikhi-i-pesni> – Data dostupa: 14.11.2018.